
Лолита Ланская
Разбожусь!
Забирай свою малолетку
18+

Лолита Ланская

Развожусь! Забирай свою малолетку

«Автор»
2026

Ланская Л.

Развожусь! Забирай свою малолетку / Л. Ланская — «Автор», 2026

Вера сама привела Киру в свой дом. Дала ей работу, помогла встать на ноги, выслушивала жалобы на несчастную любовь. А потом узнала: мужчина, от которого Кира беременна, — её собственный муж.Олег не собирается уходить. Свекровь требует «проявить мудрость». Все уверены, что Вера пошумит, успокоится и вернётся — ведь за шестнадцать лет она привыкла спасать семью, бизнес и чужую репутацию.Но на годовщине Вера снимает кольцо и произносит:— Развожусь! Забирай свою малолетку.Только уйти из дома проще, чем вырваться из жизни, где её труд годами присваивали, деньги контролировали, а право на боль считали истерикой. Чтобы начать заново, Вере придётся вернуть себе имя, профессию, дочь — и рискнуть поверить мужчине, которого она меньше всего готова впустить.Брату женщины, разрушившей её брак.

© Ланская Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гостевая комната 5
Глава 2. Понимание 12
Глава 3. Годовщина 18
Глава 4. Чужая версия 26
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Развожусь! Забирай свою малолетку

Глава 1. Гостевая комната

– Это Вера, моя жена. Она отвечает за всё, благодаря чему гости хотят вернуться, – начал Олег и, заметив удивление на лице мужчины напротив, с привычной усмешкой упростил: – В общем, создаёт уют.

Его ладонь легла мне на спину – легко, почти ласково. Со стороны мы, наверное, выглядели той самой парой, о которой любили писать в отраслевых журналах: начинали с маленькой гостиницы у трассы, пережили кредиты и ремонты, разбогатели и не развелись. Мужчина в дорогом сером костюме улыбнулся мне, похвалил интерьер холла и уже через секунду повернулся к Олегу, чтобы спросить о втором корпусе.

Я не стала поправлять мужа. На телефоне мигало сообщение управляющей: поставщик снова привёз в ресторан высокие вазы, хотя в спецификации была указана максимальная высота двадцать сантиметров. Красивые, дорогие и совершенно непригодные для завтрака: люди должны разговаривать, а не выглядывать из-за сухих веток.

Пока Олег обсуждал инвестиции, я отправила отказ, попросила составить акт и заметила, что кресло возле панорамного окна опять сдвинули к проходу. Теперь горничная с тележкой не могла проехать, не задев край ковра, а сидящий в кресле гость оказывался спиной к входу.

– Вер, мы поднимемся в кабинет. Ты с нами? – Олег уже сделал шаг к лифтам, но остановился, ожидая ответа.

– Нет, я закончу здесь. В двести четвёртом жалуются на вентиляцию, в ресторан привезли не те вазы, а кресло опять поставили так, будто чемоданы у гостей научились проходить сквозь мебель.

Олег посмотрел на кресло, потом на меня. В уголках его глаз обозначились морщинки, которые мне всегда нравились, когда он смеялся искренне.

– Можно подумать, завтра сюда приезжает английский король.

– Хуже. Завтра приезжает твоя мама.

Мужчина в сером костюме вежливо усмехнулся. Олег наклонился, быстро коснулся губами моего виска и пошёл к лифтам, продолжая разговор о финансировании второго корпуса. Я проводила его взглядом, а затем подошла к креслу.

Молодой администратор сразу выскочил из-за стойки.

– Вера Андреевна, давайте я помогу. Куда поставить?

– До края ковра. А потом пройдите между креслом и диваном так, будто у вас в руке чемодан, а за спиной ребёнок, который смотрит куда угодно, кроме пола.

Парень послушно прошёл, вернулся и виновато улыбнулся.

– Теперь понял. Больше двигать не будем.

– Двигать можно. Главное – сначала понимать зачем.

Из таких мелочей и складывалось то, что Олег называл уютом. Из света, который не бил в глаза за завтраком. Из розетки возле кровати, до которой можно дотянуться, не вставая. Из администратора, помнившего, что пожилой женщине тяжело подниматься по лестнице, а ребёнок в двести двенадцатом боится темноты.

Я называла это работой.

Через сорок минут вопрос с вазами был решён, вентиляцию проверили, а управляющая получила список того, что нужно исправить до утра. Я забрала из служебной комнаты туфли, оставшиеся после открытия, и коробку с образцами дверных ручек. Уже садилась в машину, когда позвонил Олег.

– Ты ещё на парковке? Подожди меня. Поедем вместе.

Он появился через двенадцать минут, на ходу печатая сообщение. Галстук был ослаблен, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. Сев рядом, муж сразу откинул голову на подголовник и закрыл глаза.

– Я больше никого сегодня не хочу видеть.

– Завтра тоже никаких разговоров о работе. Хотя бы до обеда, – предупредила я, выезжая с парковки.

Олег приоткрыл один глаз и посмотрел на меня с притворным недоверием.

– Это говорит женщина, которая на прошлой годовщине полчаса рассказывала мне, почему полотенца в прачечной пахнут сыростью?

– Они пахли сыростью. Если бы ты сразу вызвал мастера, разговор занял бы десять минут.

– Романтический ужин, свечи, тост за любовь и подробный отчёт о вентиляции. Я всё помню.

Он рассмеялся и положил ладонь мне на колено. Большой палец медленно погладил ткань брюк, и я на секунду накрыла его руку своей.

На следующий день исполнялось шестнадцать лет со дня нашей свадьбы.

Первую годовщину мы отметили на кухне маленькой гостиницы, которую открыли почти без денег и совершенно без опыта. Я застелила разделочный стол белой салфеткой, Олег принёс бутылку вина. Одинаковых бокалов не нашлось: он пил из высокого хрустального, а мне достался толстый зелёный, с мутным пузырьком в стекле. Потом отключился свет, и мы доели торт при аварийном фонаре. Тот вечер я помнила лучше всех дорогих ресторанов, в которые муж водил меня позже.

Телефон Олега завибрировал. Он взглянул на экран и сразу перевернул аппарат дисплеем вниз.

– По работе? – спросила я.

– Да. Ничего срочного.

– Можешь ответить. Запрет вступает в силу только завтра.

– Обойдутся.

На его лице мелькнуло раздражение, но исчезло раньше, чем я успела подумать, кому оно предназначалось. Я снова накрыла ладонью его руку.

– Значит, завтра у меня будет муж без телефона?

– Не наглей. Муж без телефона стоит намного дороже обычного.

– У нас годовщина. Я имею право на премиальную комплектацию.

Он улыбнулся и несколько секунд смотрел на меня. Когда-то от такого взгляда сердце билось быстрее. Теперь он вызывал спокойное, почти домашнее тепло. Мне казалось, это и есть настоящая любовь после шестнадцати лет: не вспышка и не безумие, а уверенность, что человек останется рядом, даже если вы оба слишком устали разговаривать.

Дома нас встретила Соня. Она стояла в прихожей с учебником под мышкой, одним носком на ноге и вторым в руке.

– Мам, ты видела моё сообщение про Машу? Я спрашивала, можно ли завтра после репетиции остаться у неё с ночёвкой.

– Завтра у нас гости.

Соня шумно выдохнула и закатила глаза. В четырнадцать лет она умела одним движением лица показать, насколько безнадёжно отстали от жизни родители.

– У вас годовщина. Я-то тут при чём?

– Ты, между прочим, одно из самых заметных последствий нашего брака, – заметил Олег и притянул дочь к себе.

– Пап, перестань, ты мне волосы испортишь.

Она ворчала, но от объятия не уклонилась. Я разрешила ночёвку при условии, что Машина мама напишет лично и Соня соберёт вещи заранее. Дочь просияла и убежала наверх, уронив по дороге второй носок.

Олег поднял его с пола, повертел в руке и положил на тумбу.

– Как думаешь, она когда-нибудь научится доносить вещи до комнаты?

– Примерно тогда же, когда ты начнёшь класть ключи на место.

Он сделал оскорблённое лицо, но спорить не стал и ушёл в кабинет. Я направилась на кухню, открыла холодильник и проверила, всё ли готово к завтрашнему вечеру. Помощница оставила ужин в стеклянных контейнерах, десерт нужно было только украсить ягодами. Я освободила полку для торта, пересчитала бокалы и уже собиралась достать скатерть, когда зазвонил телефон.

На экране высветилось имя Киры.

– Да, Кир?

В ответ я услышала только тяжёлое дыхание и шум улицы.

– Вера… вы дома? – спросила она наконец. Голос был хриплым, словно она долго плакала.

Я поставила бокал на стол.

– Дома. Что случилось?

Кира всхлипнула, но попыталась взять себя в руки.

– Мы поссорились. Я вышла из квартиры и теперь не могу вернуться. Он тоже ушёл, но я всё равно не могу там находиться. Мне страшно оставаться одной.

– Он тебя ударил?

– Нет, нет. Ничего такого. Просто наговорил… и я тоже. Вера, я не хочу сейчас быть одна.

Кира уже звонила мне из-за этого мужчины. Обычно после таких разговоров приходила на работу с распухшими веками, роняла папки и каждые десять минут проверяла телефон. Потом он писал, они мирились, и на её лице появлялось такое счастье, будто ничего до этого не происходило. Имени мужчины она не называла. Я решила, что он женат или намного старше и ей неловко признаться, но не настаивала.

– Где ты сейчас?

– В кофейне возле дома. Они скоро закрываются.

– Пришли адрес. Я заеду.

На том конце стало тихо.

– У вас же завтра годовщина. И Олег Сергеевич, наверное, будет против.

Вопрос показался странным, но я списала это на её растерянность.

– Олег переживёт одну ночь с дополнительным человеком за завтраком. Присылай адрес.

Я взяла ключи и заглянула в кабинет. Муж сидел за столом, просматривая документы. Увидев меня, он быстро перевернул телефон экраном вниз.

– Я за Кирой. Она поссорилась со своим мужчиной и боится возвращаться домой. Пусть переночует у нас.

Олег несколько секунд смотрел на ключи в моей руке. В лице мелькнуло раздражение, которое он сразу спрятал.

– Вер, завтра полный дом людей. Может, ей лучше снять гостиницу?

– Она плачет и просит не оставлять одну.

– У тебя и без неё хватает дел. Ты опять начнёшь спасать, разбираться, жить чужой жизнью.

– Я дам ей кровать и ужин. Это не спасательная операция. Разогрей себе еду сам, буду через час.

Я уже повернулась к двери, когда он добавил:

– Только не вмешивайся слишком глубоко. У Киры всегда всё сложнее, чем есть на самом деле.

Я обернулась.

– Ты откуда знаешь?

Олег едва заметно замер, потом пожал плечами и снова открыл ноутбук.

– Ты сама рассказывала.

Наверное, рассказывала. За полтора года Кира стала не только моей помощницей, но почти младшей родственницей, которую хотелось научить всему, чего когда-то не знала я сама.

Она ждала под козырьком кофейни с небольшой дорожной сумкой. Светлые волосы промокли и прилипли к щекам, под глазами размазалась тушь. Заметив машину, Кира оглянулась, будто проверяя, не следит ли кто-нибудь, затем поспешно села рядом.

– Спасибо, – прошептала она, не сразу попав замком ремня в защёлку.

Я протянула салфетки.

– Вытри лицо и скажи честно: тебе ничего не угрожает?

– Нет. Он не опасный. Просто иногда бывает жестоким словами.

– Это тоже не пустяк.

Полтора года назад её старший брат Максим попросил взять Киру помощницей. Он занимался реставрацией на одном из наших объектов и прежде ни о чём личном не просил. «Дайте ей нормальную работу, – сказал тогда. – Она соображает. Просто пока не понимает, куда себя деть».

На второй день Кира переделала таблицу поставок так, что я перестала тратить на неё по часу каждое утро. Потом появились вопросы не о работе: что надеть на деловой ужин, как отказаться от свидания, нормально ли, что мужчина читает сообщения и не отвечает два дня. Весной ей исполнилось двадцать три. Я подарила сумку, возле которой она каждый раз замедляла шаг, когда мы проходили мимо витрины.

– Он опять передумал, – сказала Кира, разрывая салфетку на узкие полосы. – Мы давно договорились, что всё изменится. Он обещал, а сегодня снова сказал, что момент неподходящий, что нельзя всё разрушать одним движением.

– Вы собирались жить вместе?

Она отвернулась к окну. В стекле отражалось бледное лицо.

– Он говорил, что разберётся со своей жизнью. Теперь считает, что я слишком давлю и ему и так тяжело.

– Когда мужчина действительно собирается что-то изменить, он обычно может назвать срок. Не «потом», а конкретно.

– Он не может.

– Или не хочет.

Кира резко повернулась. Глаза покраснели, губы дрогнули.

– А если я его люблю? Разве любовь ничего не меняет?

– Меняет. Но не делает чужую ложь правдой. Сегодня ты поспишь, поешь, а завтра решишь, подходит тебе такая любовь или нет.

Олег встретил нас в прихожей. Он успел переодеться в домашние брюки и тёмную футболку. Увидев Киру, улыбнулся, но улыбка получилась напряжённой. Взгляд быстро скользнул по её лицу, сумке и мокрым волосам.

– Здравствуй, – сказал он.

– Здравствуйте, Олег Сергеевич.

Кира опустила глаза и стала ещё бледнее. Я решила, что ей неловко появляться перед хозяином дома заплаканной.

– Проходи. Олег, принеси воды, пожалуйста.

Гостевая спальня находилась на первом этаже, окнами в сад. Я включила тёплый свет, задёрнула шторы и поставила сумку возле шкафа. Комната была готова к приезду родственников: свежее бельё, полотенца, маленький букет сухоцветов на комоде.

– Ты сегодня ела?

Кира села на край кровати и разгладила ладонями юбку.

– Не хочу.

– Я не спросила, хочешь ли. Я спросила, ела ли ты.

Она виновато улыбнулась.

– Кажется, утром.

Я принесла тосты, сыр и нарезанное яблоко. Блузка под её кардиганом тоже промокла, поэтому я поднялась к себе и достала светло-серый халат – длинный, мягкий, с широким поясом. Я любила пить в нём утренний кофе на террасе.

– Он будет тебе велик, зато сухой.

Кира провела пальцами по ткани. В её лице появилось странное выражение – смесь восторга и боли.

– У вас всё красивое, Вера. Дом, вещи… всё настоящее.

– Настоящие дома тоже состоят из счетов, сломанных кранов и вещей, которые кто-то бросает не на место.

– Всё равно. У вас с Олегом Сергеевичем получилось.

Она ушла в ванную. Я заменила высокую подушку на низкую, потому что помнила: в командировках у Киры болит шея. Когда дверь открылась, она вышла в моём халате. Рукава закрывали половину ладоней, пояс был затянут слишком туго.

– Вера, можно спросить? – Кира села на кровать, но к еде не притронулась. – А вы бы простили Олегу, если бы он не сказал вам сразу что-то важное? Если бы солгал, потому что боялся потерять вас или не знал, как правильно признаться?

Вопрос прозвучал неожиданно. Я поставила стакан на тумбочку и внимательно посмотрела на неё.

– Я не умею прощать заранее. Сначала нужно услышать правду, понять, почему человек солгал, и только потом решать, можно ли с этим жить.

– А если правда всё разрушит?

– Тогда, возможно, разрушать начала не правда.

Кира вздрогнула и отвернулась. Я решила, что попала в больное место, и мягче добавила:

– Ты не обязана сегодня всё рассказывать. Но защищать человека, который заставляет тебя прятаться и плакать, тоже не обязана.

– Вы с Олегом так давно вместе, – прошептала она.

– Завтра шестнадцать лет.

– Я знаю.

Последние слова прозвучали почти неслышно. Кира накрыла мою ладонь холодными пальцами.

– Вы очень хорошая.

Мне стало неловко.

– Я просто принесла халат и еду. Не делай из меня святую.

Наверху я заглянула к Соне. Она уже лежала в постели и попросила разбудить её в семь десять, потому что на собственный будильник всё равно ответит и снова заснёт. Я поцеловала дочь, прикрыла дверь и вернулась в спальню.

Олег сидел на краю кровати и снимал часы. Я повесила на дверцу шкафа синее платье для завтрашнего вечера. Муж посмотрел на него и приподнял брови.

– Это наденешь?

– Не нравится?

– Наоборот. Мама опять скажет, что замужняя женщина могла бы одеваться скромнее.

– Тогда точно надену.

Он улыбнулся, но взгляд почти сразу ушёл к телефону на тумбочке. Я смыла косметику, легла рядом и перевернула свой аппарат экраном вниз.

– Всё. До послезавтра меня нет.

Олег притянул меня к себе. Я положила голову ему на плечо. От футболки пахло нашим стиральным порошком и одеколоном. На шве у горловины торчала нитка; я намотала её на палец, но не стала обрывать.

– Помнишь зелёный бокал? – спросила я.

– Какой?

– В нашу первую годовщину. Толстый, неудобный. По-моему, он до сих пор стоит в старой гостинице. Надо забрать.

На лице мужа появилась короткая растерянность, затем он улыбнулся.

– Конечно помню. Заберём.

Внизу что-то негромко стукнуло. Наверное, Кира поставила стакан или задела дверцу шкафа.

– Бедная девочка, – пробормотала я. – Так убиваться из-за мужчины.

Рука Олега на моём плече замерла всего на мгновение.

– Утром успокоится.

Я уснула с мыслью, что не стану будить Киру к завтраку. Пусть выспится. Потом мы спокойно поговорим, и я найду способ объяснить ей: любовь не должна делать человека таким несчастным.

Проснулась от холода.

Одеяло сбилось к краю. Я протянула руку вправо и нащупала пустую простыню. На часах было три семнадцать. В ванной не горел свет, дверь в коридор оставалась приоткрытой, хотя на ночь мы обычно её закрывали.

Наверное, Олег проголодался и спустился на кухню. Мне тоже захотелось пить. Я надела кардиган поверх ночной сорочки и вышла. Из-под Сониной двери свет не пробивался. На кухне было темно, в кабинете тоже.

Тонкая полоска света лежала на полу в конце коридора.

Дверь гостевой комнаты была приоткрыта.

– Я больше так не могу, – сказала Кира. В её голосе не было сонного испуга; звучала усталая обида человека, который повторяет одни и те же слова не впервые. – Ты каждый раз обещаешь, что нужно немного подождать, а потом всё начинается сначала.

– Сейчас не время, – ответил Олег.

Я узнала его голос сразу. Тихий, раздражённый, почти деловой. Так он говорил с подрядчиками, когда те требовали изменить условия договора.

Первым я увидела поднос. Тосты остались нетронутыми, яблочные дольки потемнели. Потом – Киру. Она сидела на кровати в моём халате, волосы рассыпались по плечам.

Олег стоял перед ней на коленях.

Он обнимал её за талию, уткнувшись лицом в живот. Кира медленно перебирала пальцами его волосы на затылке – привычно, без страха и смущения.

Моя рука сама легла на дверной косяк.

– Ты обещал, что скажешь ей после праздника, – произнесла Кира. Губы дрогнули, но в голосе было больше требования, чем слёз. – Я больше не хочу прятаться. Нас теперь двое.

Олег крепче прижал её к себе.

– Я всё решу.

– Когда? После годовщины? После следующего открытия? После того, как она опять сделает для тебя всё?

Он поднял голову.

– Не начинай.

Кира положила ладонь на живот.

– Срок почти три месяца, Олег. Я не могу ещё полгода жить так, будто меня нет.

Он прижался лбом к её животу. На безымянном пальце блеснуло обручальное кольцо. В свете лампы была видна маленькая царапина – память о ремонте первой гостиницы.

Я смотрела на неё и почему-то думала о зелёном бокале.

Кира первой заметила меня. Глаза распахнулись, пальцы замерли в волосах моего мужа. Лицо побелело, но она не оттолкнула его и не попыталась запахнуть халат.

Олег почувствовал, как она напряглась, и медленно повернул голову.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Я держалась за косяк так сильно, что заболели суставы. Муж не поднялся, не бросился ко мне и не спросил, давно ли я стою в дверях. Он только нахмурился, словно я появилась не вовремя и создала новую проблему.

– Только тихо, – сказал Олег, бросив взгляд в сторону лестницы. – Дочь разбудишь.

Глава 2. Понимание

Несколько секунд после его слов никто не двигался.

Олег по-прежнему стоял перед Кирой на коленях, только руки медленно соскользнули с её талии. На лице не было ни испуга, ни стыда – лишь сосредоточенность человека, который столкнулся с неприятностью и быстро прикидывает, как ограничить ущерб. Кира сидела, вцепившись пальцами в пояс моего халата. Губы у неё побелели, но взгляда она не отвела. Наверное, слишком долго представляла этот момент и теперь пыталась понять, совпал ли он с тем, чего ждала.

– Встань, – сказала я.

Голос прозвучал ровно, и именно это, кажется, напугало Олега сильнее крика. Он выпрямился не сразу: сначала бросил короткий взгляд на Киру, словно хотел убедиться, что она не заговорит без разрешения, затем поднялся и одёрнул футболку. На коленях остались светлые следы от ковра.

– Вера, давай выйдем и спокойно поговорим. Здесь не место, Соня наверху, – произнёс он и сделал шаг ко мне. В голосе появилась примиряющая мягкость, которой Олег пользовался на переговорах, когда хотел показать, что собеседник ведёт себя излишне эмоционально.

– Не подходи.

Он остановился. На мгновение лицо стало жёстким, затем муж поднял ладони, изображая разумность.

– Хорошо. Я не подхожу. Только не делай сейчас ничего, о чём утром пожалеешь.

Я посмотрела на Киру. Она запахнула халат до горла, плечи дрожали, но плакала беззвучно.

– Как давно?

Олег провёл ладонью по затылку и отвёл глаза.

– Сейчас три часа ночи. Ты в шоке, я тоже не в лучшем состоянии. Утром, когда Соня уедет в школу, мы сядем и всё обсудим.

– Я спросила, как давно это продолжается.

Он снова посмотрел на Киру – быстро, предупреждающе. Этого взгляда хватило, чтобы я поняла: между ними давно существовали не только постель и тайные встречи. У них были договорённости, запретные темы, условные сигналы. Они успели научиться молчать вдвоём.

– С февраля, – прошептала Кира, прикусив нижнюю губу.

Олег резко повернулся к ней.

– Я сказал, что сам поговорю с женой.

– Ты уже восемь месяцев собираешься поговорить. Сначала после моего дня рождения, потом после открытия, потом после переговоров с банком. Теперь после вашей годовщины.

С февраля.

В феврале мы ездили в Италию на мой день рождения. Олег сам выбрал отель, заказал столик на террасе и подарил серьги, которые я несколько раз примеряла, но не решалась купить. Мы гуляли по вечернему городу, держались за руки, а ночью он говорил, что нам нужно чаще куда-нибудь уезжать вдвоём.

В марте Кира принесла мне кофе и спросила, как понять, что мужчина любит, если не может быть рядом постоянно. Я ответила, что любовь проявляется не количеством сообщений, а поступками.

Они оба, наверное, потом вспоминали мой совет.

– Выйди в кабинет, – сказала я Олегу.

Он нахмурился.

– Я не оставлю тебя здесь с Кирой в таком состоянии.

– Моё состояние перестало тебя интересовать примерно в феврале. Выйди.

Муж медленно выдохнул. В лице появилась усталость человека, которому приходится терпеть чужую несговорчивость.

– Хорошо. Я буду в кабинете. Только, пожалуйста, не кричи и не говори ничего, что потом нельзя вернуть.

Он прошёл мимо меня, стараясь не коснуться плечом. От него пахло одеколоном, который я подарила на Новый год. Шаги удалились, дверь кабинета закрылась.

Кира осталась сидеть на кровати. Без Олега она будто уменьшилась. Плечи опустились, подбородок задрожал, пальцы беспомощно теребили мягкий пояс.

– Ты беременна? – спросила я.

Она кивнула, затем заставила себя ответить вслух:

– Да. Двенадцать недель. Я узнала неделю назад, когда всё-таки пошла к врачу. У меня цикл всегда был неровный, а потом я просто боялась проверять.

– Олег знает неделю?

– С понедельника. Я сказала утром, он попросил не принимать никаких решений и не звонить вам, пока сам не разберётся.

– Поэтому вечером ты позвонила мне и попросила привезти тебя сюда?

Кира вспыхнула. Красные пятна поднялись от шеи к щекам.

– Мне правда было плохо. Я весь день ждала, а он не отвечал. Я подумала, если окажусь рядом, он хотя бы поговорит со мной нормально. Я не планировала, что вы нас увидите.

– А как всё должно было произойти?

Она подняла глаза. В них был настоящий страх, но под ним жила надежда, что теперь, когда тайна открыта, Олег наконец сделает обещанный выбор.

– Он должен был сказать вам после праздника. Не хотел портить годовщину.

У меня вырвался короткий смешок.

– Какая забота. Восемь месяцев спать с моей помощницей можно, а испортить один вечер – слишком жестоко.

– Вера, я не хотела причинить вам боль. Сначала я вообще не знала, что между нами будет серьёзно. Олег говорил, что вы давно живёте скорее как партнёры, что всё держится на бизнесе и Соне.

Я смотрела на неё и думала, что больнее: сама ложь или то, как привычно она называет моего мужа просто Олегом.

– Он сказал, что мы не спим вместе?

Кира отвела глаза.

– Говорил, что у вас сложные отношения.

– У всех людей, проживших вместе шестнадцать лет, сложные отношения. Это не значит, что брак закончен.

– Я знаю.

– Нет. Ты сидишь в моём халате, в моём доме и ждёшь ребёнка от моего мужа. Ты знала очень многое, но точно не это.

Слёзы покатились по её щекам. Вчера я бы подала салфетку, воду, нашла нужные слова. Сейчас каждое всхлипывание звучало как требование снова позаботиться о ней.

– Я люблю его, – прошептала Кира, подняв лицо. – Я понимаю, что вам больно, но я правда люблю.

– Тогда тебе придётся узнать, что любовь не отменяет последствий.

Я вышла из комнаты и прикрыла дверь.

В кабинете Олег стоял у окна, прислонившись бедром к подоконнику. На столе лежал список приглашённых на годовщину и меню с моими пометками. В верхнем углу помощница написала: «Свечи зажечь к приезду Тамары Петровны».

– Что она тебе наговорила? – спросил муж.

– Что всё началось в феврале и что ты рассказывал ей о наших сложных отношениях.

Олег поморщился. Пальцы постучали по подоконнику, выдавая раздражение.

– Я не обсуждал с ней подробности брака. Она расстроена и всё преувеличивает.

– Беременность она тоже преувеличивает?

– Не передёргивай.

– А как правильно? Научи. У тебя было восемь месяцев, чтобы подобрать формулировки.

Он оттолкнулся от окна и подошёл ближе, но остановился, увидев моё лицо.

– Я виноват. Не стану говорить, что ничего не произошло. Произошло. Но я не собирался от тебя уходить.

Олег внимательно посмотрел на меня, ожидая реакции. По его представлению, это должно было успокоить.

– Какая удача, – сказала я.

Он сжал губы.

– Не надо. Я пытаюсь быть честным.

– Ты начал немного поздно.

Муж сел напротив, наклонился вперёд и сцепил пальцы.

– С Кирой всё получилось не так, как я планировал. Я не собирался заводить отношения. Мы несколько раз разговаривали, ей было тяжело, она ко мне тянулась. Я увлёкся, дал обещания, которые не должен был давать. Это зашло слишком далеко.

– Восемь месяцев ты случайно увлекался моей помощницей?

– Я не сказал «случайно».

– Ты говоришь так, будто поскользнулся и неудачно упал в чужую постель.

На скулах Олега проступили красные пятна.

– Я совершил ошибку. Большую. Но она не отменяет шестнадцать лет нашей жизни.

– А ребёнок тоже ошибка?

Он опустил глаза.

– Беременность не была запланирована.

– Почему ты повторяешь это так, будто случайный ребёнок меньше настоящий?

– Я признаю его и буду обеспечивать. Не собираюсь прятаться. Но это не значит, что должен разрушить нашу семью и жениться на Кире.

– Кира, похоже, думает иначе.

– Она молодая, эмоциональная. Сейчас напугана и видит только один вариант. Я сам виноват, что давал ей надежду, но это не делает её ожидания обязательными для всех.

Я медленно кивнула.

– Значит, план такой: ты сохраняешь жену, дом, дочь и бизнес. Кира получает квартиру и содержание. Ребёнок – отца. А я должна оценить, как разумно ты всё распределил.

Олег раздражённо провёл ладонью по волосам.

– Я не распределяю людей. Я пытаюсь понять, как уменьшить ущерб.

– Начни с правды.

– Я говорю правду.

– Нет. Ты сообщаешь ровно столько, сколько уже невозможно скрыть.

Дверь кабинета приоткрылась. На пороге стояла Кира, уже в своей одежде. Волосы были собраны в низкий хвост, лицо оставалось без косметики. Мой халат она сложила и держала перед собой обеими руками.

– Простите, я не могу больше сидеть там и ждать, пока вы решаете, что со мной делать.

– Я просил не выходить, – сказал Олег. Брови сошлись, голос стал жёстким. – Соня могла проснуться.

– Соня спит наверху, а я восемь месяцев прячусь. Вы уже всё знаете. Какой смысл снова молчать?

– Положи халат и выйди, – сказала я.

Кира посмотрела на меня. Губы задрожали.

– Вера, я хотела сама рассказать. Несколько раз говорила Олегу, что больше не могу работать рядом с вами и делать вид, будто ничего нет. Он просил подождать: сначала открытие, потом переговоры, потом годовщина.

Олег резко поднялся.

– Не перекладывай всё на меня. Ты знала, что я женат и что у меня семья.

– А спать со мной я была достаточно взрослой, а отвечать за обещания вдруг должна только я?

Он уставился на неё. В глазах вспыхнула открытая злость.

Я наблюдала за ними и чувствовала, как внутри становится холодно. Передо мной была не великая любовь, которой невозможно сопротивляться, а обычная ссора двух людей, уставших от собственной лжи.

– Зачем ты позвонила мне вчера? – спросила я.

Кира прижала халат к груди.

– Мне было плохо. И я надеялась, что, увидев меня здесь, он наконец перестанет откладывать.

– Ты хотела моего мужа. Невозможно получить одно без боли другого человека.

По её лицу потекли слёзы. Олег нахмурился.

– Не дави на неё. Ей сейчас нельзя нервничать.

Я медленно повернулась к нему.

– А мне можно?

Он открыл рот, но ответить не успел. В прихожей прозвенел звонок – один раз, потом второй, длиннее и настойчивее.

Олег отвёл взгляд. Я сразу поняла: он знает, кто приехал.

– Кого ты вызвал?

– Я позвонил маме. Нам нужен человек, который сможет поговорить со всеми спокойно.

– Со всеми или со мной?

Он промолчал.

Тамара Петровна стояла на крыльце в тёмном прямом пальто и шёлковом платке. Несмотря на ранний час, укладка была безупречной, на губах – спокойная розовая помада. Увидев моё лицо, она слегка приподняла брови, но сразу вернула им выражение сдержанной заботы.

– Вера, дорогая, впусти меня. Олег сказал, что ночью всё открылось самым неприятным образом. Ты совсем не спала?

– Что именно вам сказал Олег?

Свекровь не ответила. Аккуратно повесила пальто, расправила воротник и только после этого повернулась. Из кабинета вышел Олег, следом появилась Кира, всё ещё державшая мой халат.

Тамара Петровна увидела её, и лицо сразу смягчилось.

– Кирочка, ты плакала? Тебе нельзя так себя доводить. Срок ещё маленький, нужно быть осторожнее.

Я смотрела на её пальцы, бережно сжавшие Кирин локоть.

Она не удивилась.

Не спросила, почему моя помощница находится в доме ранним утром. Не переспросила о беременности. Сразу сказала, что Кире нельзя волноваться.

– Вы знали, – произнесла я.

Свекровь медленно повернула голову.

– О беременности я узнала вчера вечером.

– А о связи?

В её лице появилась усталость.

– Я догадывалась, что у Олега возникли сложности. Вера, не будем выяснять это в прихожей. Нам нужно думать о том, как уменьшить последствия.

– У вас в семье очень любят это выражение.

Мы вернулись в кабинет. Тамара Петровна села напротив стола, положила сумку на колени и сцепила пальцы. Олег остался у окна. Я стояла.

– Прежде всего никто не отрицает, что Олег поступил плохо, – начала свекровь, тщательно выговаривая слова. – Но сейчас есть факты, с которыми придётся считаться. Есть Соня, бизнес, сотрудники, репутация семьи и будущий ребёнок, который ни в чём не виноват.

– Вы перечислили всех, кроме меня.

Она чуть наклонила голову, и на лице появилось терпеливое неодобрение.

– Ты взрослая женщина. Мне не нужно отдельно объяснять, что твои чувства тоже важны. Именно поэтому тебе полезно на несколько дней переехать в городскую квартиру. Там ты сможешь успокоиться и принять решение без постоянных столкновений.

Я не сразу поняла смысл.

– Я должна уехать?

– Не должна. Я предлагаю разумный временный вариант. Кира останется здесь под присмотром Олега, пока не придёт в себя. Ей нельзя сейчас мотаться по гостиницам и чужим квартирам.

– У неё есть собственная квартира и брат.

– Она боится оставаться одна, – возразила Тамара Петровна. – А Максим пока ничего не знает.

– Зато вы знаете.

Олег оттолкнулся от подоконника и подошёл ближе.

– Я не говорил, что ты обязана уезжать. Кира останется до вечера, потом решим, куда её отвезти. Сегодня ничего не меняем. Гости приглашены, кейтеринг уже едет, родственники перестроили планы. Проведём годовщину, а завтра спокойно обсудим дальнейшие шаги.

Я посмотрела на него.

– Мы проведём годовщину?

– Это несколько часов, Вера. Мы не обязаны обсуждать личное с родственниками. Ты можешь сказать, что устала. Кира останется в дальней спальне, её никто не увидит.

Тамара Петровна согласно кивнула. Её лицо немного расслабилось, словно разговор вернулся в практическую плоскость.

– Так будет лучше для всех. Не стоит разрушать шестнадцать лет на глазах у людей в первую же ночь. Ты всегда была разумной женщиной и умела сохранить главное.

– То есть удобной.

– Не переворачивай мои слова.

– Кира молодая, её нужно пожалеть. Олег запутался, ему нужно время. Соню нельзя волновать. Вы защищаете сына. А я взрослая и сильная, поэтому должна накраситься, надеть кольцо и принять поздравления.

Свекровь устало выдохнула.

– Иногда семья сохраняется именно потому, что один человек оказывается мудрее остальных.

– И почему этим человеком всегда должна быть жена?

В прихожей снова зазвонили. Тамара Петровна посмотрела на часы.

– Рано. Я просила привезти посуду к десяти.

На крыльце стояли сотрудники кейтеринга. За их спинами мужчины выгружали из фургона складные столы, цветы и коробки. Молодая девушка в форменном жакете широко улыбнулась мне.

– Доброе утро, Вера Андреевна! Поздравляем с годовщиной. Куда заносить торт?

Мужчина позади неё держал большую белую коробку, перевязанную золотой лентой. На крышке каллиграфическим шрифтом было выведено:

«Вере и Олегу. Шестнадцать лет вместе».

Глава 3. Годовщина

Все смотрели на меня и ждали решения.

Сотрудница кейтеринга продолжала улыбаться, хотя по тому, как её взгляд скользнул мне за плечо и сразу вернулся, я поняла: напряжение в прихожей она почувствовала. Мужчина с тортом переминался на крыльце, осторожно поддерживая коробку снизу. Ветер дёргал дверь фургона, другой работник пытался удержать её ногой.

– Заносите в гостиную, – сказала я.

Олег едва заметно расслабился. Тамара Петровна тоже приняла мой ответ за согласие и мгновенно вернулась в привычную роль хозяйки, которой подчиняются без лишних вопросов.

– Цветы поставьте у камина, но не близко, там будет жарко. Столы заносите через террасу, чтобы не испачкать пол, – распорядилась она, отступая в сторону. Голос обрёл деловую бодрость, будто последние полчаса мы обсуждали не беременную любовницу её сына, а рассадку гостей. – И осторожнее с консолью, она антикварная.

Олег посмотрел на меня с осторожной благодарностью. Он даже сделал шаг навстречу, но остановился, увидев моё лицо.

– Вер, спасибо. Я понимаю, чего тебе это стоит.

– Нет. Ты пока ничего не понимаешь.

Я поднялась в спальню и закрыла дверь на ключ. Снизу доносились голоса, звон посуды, скрип передвигаемой мебели. Дом готовился праздновать наш брак, и в этом было что-то непристойное: люди распаковывали бокалы и гладили скатерти, пока в дальней комнате пряталась женщина, беременная от моего мужа.

Синее платье висело на дверце шкафа. На тумбочке лежала книга, которую я собиралась дочитать в выходные. Простыня с Олеговой стороны была смята. Всё выглядело так, будто можно принять душ, поспать два часа и вернуться к прежней жизни.

Я посмотрела на левую руку.

Кольцо сидело на пальце шестнадцать лет. Сначала было чуть велико, и я боялась потерять его. Потом пальцы стали полнее, а металл будто врос в кожу. Пришлось намылить руку и несколько раз медленно провернуть кольцо. Сустав заболел, кожа покраснела. Когда оно наконец соскользнуло, на пальце осталась светлая полоска.

Я долго держала кольцо на ладони. Не бросила в раковину и не швырнула в стену. Просто положила на тумбочку со стороны Олега, рядом с его часами и зарядкой.

Потом встала под душ. Вода была горячей, но меня продолжало знобить. Я тёрла руки мочалкой, пока кожа не покраснела, словно могла смыть не запах мужа, а последние восемь месяцев собственной жизни, которые теперь требовалось пересмотреть заново.

В дверь постучали.

– Вера, открой. Нам нужно договориться, как провести вечер, – сказал Олег. Он говорил негромко, но в интонации слышалось требование.

Я надела белый халат из ванной и открыла.

Муж стоял в коридоре в тёмных брюках и светлой рубашке. Верхние пуговицы оставались расстёгнутыми, лицо выглядело осунувшимся после бессонной ночи. Его взгляд сразу упал на мою левую руку.

– Где кольцо?

– На тумбочке.

Олег вошёл, увидел металл рядом со своими часами и медленно поднял двумя пальцами.

– Надень его на вечер, – произнёс он так буднично, будто просил сменить туфли, потому что первые не подходят к платью. Только мышцы возле рта были напряжены, а кольцо он сжи-

мал слишком сильно. – Люди заметят и начнут задавать вопросы. Не нужно превращать семейную проблему в публичное представление.

– Ты всерьёз предлагаешь мне надеть его после того, что произошло ночью?

– Я не прошу простить меня сегодня. Не прошу спать со мной или делать вид, что всё хорошо, когда мы останемся одни. Просто переживи этот вечер спокойно. Завтра поговорим с юристами, с врачом, с Максимом, решим, где будет жить Кира. Ты получишь ответы на все вопросы.

– А сегодня я должна улыбаться и слушать тосты за верность.

– Не обязательно улыбаться. Можно сказать, что устала.

Он действительно считал предложение разумным. В его мире эмоции можно было поставить на паузу, как невыгодный проект: сегодня провести годовщину, завтра обсудить измену, послезавтра решить вопрос с беременностью. Всё по порядку, без ущерба для расписания.

– Где Кира?

– Мама отвела её в дальнюю спальню. Ей принесли завтрак. Вечером никто её не увидит.

– А завтра?

– Я ещё не решил.

– Ты не решил, где будет жить мать твоего ребёнка, зато уже решил, какое кольцо надену я.

Олег закрыл глаза и с силой потёр переносицу.

– Вера, пожалуйста. Не усложняй больше, чем уже есть.

– Это не я привезла сюда сложности.

– Формально Киру привезла именно ты.

Фраза прозвучала тише, чем ночью, но от этого не стала менее мерзкой. Олег сразу понял, что сказал, и поднял ладонь, будто мог остановить мой ответ.

– Я не обвиняю тебя. Я говорю, что никто не планировал эту сцену.

– Кроме Киры.

– Она была в панике.

– А ты?

– Я тоже не знал, что делать.

– Поэтому пришёл к ней ночью и встал на колени.

Олег отвернулся к окну. На шее проступили красные пятна.

– Я успокаивал беременную женщину. И, если тебе важно, я никогда не спал с ней в нашем доме.

На мгновение я потеряла дар речи. Он произнёс это с такой убеждённостью, будто обнаружил главное смягчающее обстоятельство.

– Мне должно стать легче?

– Я говорю, что существовали границы, которые я не переходил.

– Ты восемь месяцев спал с моей помощницей и сделал ей ребёнка, но безупречно соблюдал географию. Поздравляю.

Олег сжал кольцо в кулаке. Костяшки побелели.

– Ты намеренно делаешь разговор невозможным.

– Разговор стал невозможным примерно тогда, когда ты решил вести две жизни и ни в одной не отвечать за последствия.

Снизу донёсся голос Тамары Петровны. Она объясняла кому-то, что белые салфетки нужно заменить на бежевые. Олег прислушался, затем снова посмотрел на меня.

– В шесть приедут первые гости. Пожалуйста, будь готова.

Он положил кольцо обратно, ближе к моему краю тумбочки, словно надеялся, что я передумаю, и уже у двери добавил:

– Не заходи сегодня к Кире. Она очень плохо себя чувствует.

– Ещё какие-нибудь правила поведения в моём доме?

Он замер, но отвечать не стал.

До приезда гостей оставалось несколько часов. Я высушила волосы, нанесла макияж и надела синее платье. Оно сидело так же, как вчера, но женщина в зеркале казалась чужой. Лицо получилось слишком спокойным, только губы были бледнее обычного.

Телефон завибрировал. Звонила Соня.

– Мам, у нас репетиция закончилась раньше. Я точно могу остаться у Маши? – спросила она. На заднем плане кто-то смеялся, играла музыка.

– Можешь.

– Ты какая-то странная. Вы всё ещё ссоритесь с папой?

Я подошла к окну. Внизу работники расставляли на террасе фонари. Тамара Петровна показывала, куда передвинуть композицию, Олег разговаривал по телефону, отвернувшись к саду.

– У нас сложный разговор. Но сегодня тебе не нужно приезжать домой.

– Вы разводитесь?

Она произнесла это почти шутливо, но в конце голос дрогнул.

– Сегодня я не буду обсуждать это по телефону.

– Значит, да?

– Значит, взрослые ещё не закончили разговаривать. Что бы между нами ни произошло, это не твоя ответственность. Тебе не нужно выбирать сторону или пытаться нас мирить.

На том конце стало тихо.

– Ненавижу, когда ты разговариваешь как психолог из интернета.

Несмотря ни на что, у меня дрогнули губы.

– А я ненавижу, когда ты застёгиваешь рубашку не на те пуговицы.

– Это было один раз.

– Сегодня утром.

Соня помолчала, потом тише сказала:

– Позвони мне перед сном. И не плачь на годовщине. У тебя потом глаза опухают.

– Хорошо.

– Мам… я тебя люблю. Даже когда ты разговариваешь как психолог.

После звонка плакать захотелось сильнее, чем за всю ночь. Но глаза оставались сухими.

К пяти часам дом был готов. В гостиной зажгли свечи, на длинном столе стояли цветы, бокалы и карточки с именами. Из кухни тянулся запах запечённого мяса и свежего хлеба. На каминной полке расставили наши фотографии: свадьба, первая гостиница, рождение Сони, открытия, поездки.

Шестнадцать лет, аккуратно помещённые в серебряные рамки.

Тамара Петровна встретила меня у лестницы. Она переоделась в тёмно-зелёное платье и жемчужные серьги. Увидев левую руку, замерла. Взгляд задержался на светлой полоске, затем поднялся к лицу.

– Вера, где кольцо?

– Сняла.

– Я вижу. Почему ты не можешь надеть его хотя бы сегодня? Люди заметят, начнут спрашивать, слухи разойдутся раньше, чем вы успеете решить, что делать.

Она взяла меня под локоть и отвела ближе к лестнице, улыбнувшись проходившей официантке. Пальцы сжали сильнее, чем требовалось.

– Мы договорились, что ты не станешь устраивать сцену.

– Вы договорились. Я слушала.

– Ты хозяйка дома. Через несколько минут придут люди. Возьми себя в руки.

– Я уже взяла.

Наверное, именно моё спокойствие испугало её сильнее крика. Свекровь внимательно всмотрелась в лицо, словно впервые задумалась, что я могу не подчиниться.

Олег появился из кабинета в тёмном костюме. Галстук был того же оттенка, что и моё платье. Я выбирала их вместе две недели назад.

– Что случилось?

Мать посмотрела на мою руку. Олег сжал губы.

– Вер, мы это обсуждали.

– Нет. Ты дал распоряжение, а я отказала.

Он оглянулся на персонал и взял меня за локоть. Я спокойно освободила руку.

– Не трогай меня.

Олег сразу разжал пальцы. В лице мелькнул испуг, который тут же сменился раздражением.

– Что ты собираешься сделать?

– Встретить гостей.

– Только это?

– Разве тебе мало?

Ответить он не успел. В прихожей раздались голоса. Первой вошла его младшая сестра Лариса с мужем и сыновьями. Она держала огромный букет и улыбалась так широко, что возле глаз собрались складки.

– С годовщиной! Я сегодня вспоминала вашу свадьбу. Олег тогда весь вечер смотрел на тебя так, будто боялся, что невесту украдут.

Она обняла меня и поцеловала в обе щеки. Её духи показались слишком сладкими.

– Никому не отдал, – добавил муж Ларисы, пожимая Олегу руку. – Правильно сделал.

Олег улыбнулся. Уголки губ дрогнули, но через секунду лицо приняло привычное уверенное выражение.

– Я всегда знал, что мне повезло.

Он положил ладонь мне на спину. Прикосновение было лёгким, почти незаметным для гостей, но всё тело напряглось. Олег почувствовал это и сразу убрал руку.

Люди прибывали один за другим. Тётя Олега принесла свадебный альбом. Двоюродный брат шутил, что после шестнадцати лет уже можно перестать притворяться счастливыми. Друзья говорили, что мы редкий пример пары, прошедшей вместе и бедность, и успех.

– Вы такие молодцы, что сохранили семью, – сказала жена одного из партнёров, сжимая мои пальцы. – Сейчас все разбегаются при первой трудности, а вы столько лет рядом.

– Да, – ответила я. – Мы многое выдержали.

Олег стоял неподалёку и следил за мной. Улыбка не исчезала, но взгляд становился тревожнее.

Тамара Петровна направляла гостей подальше от коридора, ведущего к дальней спальне. Несколько раз проверяла, закрыта ли дверь. Один раз официантка понесла туда поднос, и свекровь поспешно перехватила её, забрала еду и отнесла сама.

Кира находилась в нескольких метрах от людей, пришедших поздравить меня с удачным браком.

Я представляла, как она сидит на кровати, прислушивается к смеху и звону бокалов. Возможно, плачет. Возможно, ждёт, когда Олег зайдёт. Возможно, уже считает этот дом своим будущим.

Странно, но злости на неё становилось меньше. Чем дольше я смотрела на мужа, принимающего поздравления, тем яснее понимала: Кира получила не приз. Она просто ещё не успела разглядеть, какой мужчина достался ей вместе с обещаниями.

Когда все расселись, Тамара Петровна подняла бокал первой. Она стояла во главе стола, прямая и безупречно собранная.

– Шестнадцать лет назад мой сын сделал лучший выбор в своей жизни. Вера стала прекрасной матерью, частью нашей семьи и настоящей опорой Олега во всех начинаниях. Я хочу выпить за людей, которые умеют поддерживать, прощать и беречь то, что действительно важно.

Последняя фраза предназначалась мне. Свекровь встретилась со мной глазами поверх бокала. В её взгляде не было просьбы – только предупреждение.

Олег поднялся следующим. Он поправил манжет и посмотрел на меня с другого конца стола.

– Я не умею произносить красивые речи, особенно рядом с Верой, которая знает правильные слова и правильное место буквально для всего. Когда мы начинали, у нас была одна маленькая гостиница, протекающая крыша и долгов больше, чем номеров. Я думал, что умею строить бизнес. Вера знала, как превратить стены в место, куда люди захотят возвращаться. Без неё не было бы наших отелей, дома и семьи, которой я горжусь.

У меня перехватило дыхание.

Ещё вчера эти слова сделали бы меня счастливой. Я годами ждала, когда Олег публично признает мой вклад не фразой про уют, а по-настоящему.

Он выбрал для этого день, когда в соседней комнате сидела беременная Кира.

– Я знаю, что не всегда бываю идеальным мужем, – продолжил он, чуть склонив голову. Лицо приняло выражение искреннего раскаяния, рассчитанного на одного зрителя. – Но благодарен Вере за терпение, мудрость и умение сохранить главное.

Кто-то тихо вздохнул. Лариса промокнула уголок глаза салфеткой.

– За мою жену.

Все повернулись ко мне.

Я наконец поняла, зачем ему понадобился этот вечер. Не ради родственников и не ради матери. Он хотел снова поставить меня в привычную роль: мудрая жена, опора, женщина, способная сохранить главное. После такого тоста мне полагалось улыбнуться, подняться, поцеловать его и доказать, что он не ошибся. А завтра, если я заговорю о разводе, Олег напомнит: ещё вчера мы сидели за одним столом и выглядели счастливыми. Значит, семья существовала, а разрушила её я.

Я положила салфетку рядом с тарелкой и поднялась.

– Я тоже хочу кое-что сказать.

Тамара Петровна замерла с бокалом у губ. Её взгляд метнулся к моей левой руке.

– Вера, может быть, после горячего? Все с дороги, сначала поедим.

– Нет. Сейчас самое подходящее время.

Олег поставил бокал. Движение было медленным, осторожным.

– Вер, не нужно.

Я посмотрела на людей, сидевших за нашим столом. На тех, кто привык считать Олега создателем бизнеса, а меня – женщиной, которая выбирает шторы и помнит, кто что ест. На каминной полке стояли фотографии нашей семьи. За стеной находилась Кира.

– Праздника не будет. Олег ждёт ребёнка. К сожалению, не от меня.

Несколько секунд никто не понял смысла. Лариса продолжала держать салфетку у глаза. Мужчина напротив замер с вилкой в руке. Жена партнёра медленно опустила взгляд.

Первой побледнела Тамара Петровна.

– Вера, замолчи.

Олег резко поднялся. Стул со скрежетом отодвинулся назад.

– Нам нужно поговорить. Сейчас же.

Он взял меня выше локтя. Пальцы сжались больно, но я не отшатнулась.

– Отпусти.

– Пойдём в кабинет. Не здесь.

– Я никуда с тобой не пойду.

Олег наклонился ближе. От него пахло вином и знакомым одеколоном. На скулах ходили желваки.

– Ты сейчас всё разрушишь.

Именно эту фразу он выбрал. Не «ты ошиблась», не «дай объяснить», не «прости». Он снова сообщил, что разрушать буду я.

Я освободила руку и посмотрела ему в лицо.

– Нет, дорогой. Я перестану делать вид, что здесь ещё есть что сохранять. Развожусь! Забирай свою малолетку.

В комнате кто-то шумно вдохнул.

Дверь в коридор приоткрылась. На пороге стояла Кира. Одной рукой держалась за ручку, другой прикрывала живот. Лицо было белым, глаза расширены.

Теперь её увидели все.

Лариса перевела взгляд с Киры на брата. Губы приоткрылись, но ни одного слова она не произнесла. Тамара Петровна вскочила.

– Немедленно вернись в комнату! – прошипела она. На лице было не сочувствие, а ярость из-за сорванного плана.

Кира вздрогнула. Её глаза нашли Олега.

Он не подошёл к ней. Не представил, не протянул руку. Стоял рядом со мной и смотрел так, будто непростительное предательство совершила я.

– Простите за испорченный вечер, – сказала я гостям. – Еда оплачена, торт тоже. Можете остаться.

После этого поднялась в спальню и достала большой чемодан. Руки двигались спокойно: бельё, джинсы, свитера, два платья, косметика. В отдельную папку положила паспорт, свидетельство о браке, документы на городскую квартиру, банковские бумаги. Я не пыталась собрать жизнь. Только вещи на несколько дней.

Дверь распахнулась. Олег вошёл без стука и закрыл её за собой. Лицо было красным, галстук сбился набок, верхняя пуговица рубашки расстегнулась. Впервые за много лет он выглядел человеком, полностью потерявшим контроль.

– Ты довольна? Мама плачет, Лариса устроила истерику, половина гостей уже звонит знакомым. Через час об этом будут знать партнёры.

– А через сколько они должны были узнать о Кире? После рождения ребёнка?

Его взгляд упал на чемодан. Ярость смешалась с тревогой.

– Ты куда собралась?

– В городскую квартиру.

– Значит, мама всё-таки была права.

– Не обольщайся. Я уезжаю не потому, что уступаю дом Кире. Я не останусь спать за стеной от вас.

Олег несколько секунд тяжело дышал.

– Кира сегодня уедет. К Максиму, в гостиницу, куда угодно. Не уезжай ты. Ты не спала, выпила, сейчас не в состоянии садиться за руль.

– Я сделала один глоток вина.

– Тогда хотя бы останься до утра. Гости разойдутся, поговорим без криков. Я не верю, что ты действительно хочешь развода. Ты ранена и пытаешься причинить мне такую же боль.

– Ты опять говоришь мне, чего хочу я.

– Потому что знаю тебя шестнадцать лет.

– Нет. Ты знаешь женщину, которая шестнадцать лет сглаживала последствия твоих решений.

Олег сел на край кровати. Плечи опустились. Несколько секунд он потирал пальцами лоб.

– Не переписывай всю нашу жизнь из-за одной связи.

– Одной связи длиной в восемь месяцев и с ребёнком на выходе.

– Беременность не была запланирована!

– Ребёнок от этого не станет менее настоящим.

Я застегнула чемодан.

– Мне нужен ноутбук из кабинета.

– Не сейчас. Внизу люди.

– Это мой ноутбук.

– Куплен на компанию.

Тишина после этих слов была иной. Не семейной – деловой. Олег понял это одновременно со мной и быстро добавил:

– Я не собираюсь лишать тебя вещей. Но на нём корпоративные документы. Не хочу, чтобы ты сейчас на эмоциях натворила глупостей.

– Какие документы ты боишься мне отдать?

– Бизнес не должен пострадать из-за нашей личной ситуации.

– Наш бизнес?

Он отвёл глаза.

– Компания оформлена на меня. Ты это знаешь.

– А работала на неё я.

– Никто не отрицает твой вклад.

– Сегодня ты даже произнёс тост о моём вкладе. Очень вовремя.

Олег раздражённо выдохнул.

– Забирай ноутбук. Только не трогай корпоративные счета и не связывайся с партнёрами, пока мы не обсудим дальнейшую работу.

– Ты мне запрещаешь?

– Прошу не разрушать ещё и бизнес.

Снова я. Я разрушала семью, могла разрушить бизнес. Олег всего лишь восемь месяцев лгал и ждал ребёнка от другой женщины.

– Мой отъезд не означает, что я отказываюсь от дома, компании, имущества или денег. Не смей завтра рассказывать, что я сама всё оставила.

Его взгляд стал внимательнее и холоднее.

– Уже думаешь о разделе?

– Я думаю о том, чтобы ты не успел подумать раньше меня.

В гостиной оставались только ближайшие родственники. Лариса сидела на диване, обхватив себя руками. Увидев чемодан, поднялась, но я покачала головой. Тамара Петровна стояла у окна. Тушь слегка размазалась, однако осанка оставалась безупречной.

– Ты не можешь уехать вот так. Соня вернётся и что увидит?

– Сегодня она у Маши. Завтра я сама с ней поговорю.

– Одна?

– Вы уже достаточно поговорили за меня.

Я забрала ноутбук и внешний диск. Олег стоял в дверях кабинета и следил за каждым движением.

На тумбочке в прихожей лежали ключи от городской квартиры и ключи от дома. Я взяла оба комплекта.

– Зачем тебе ключи отсюда? – спросил он.

– Потому что это мой дом.

– Я не собирался менять замки.

– Сегодня ты много чего не собирался.

На улице начинался дождь. Я убрала чемодан в багажник и села за руль. Олег вышел следом без пиджака. Рубашка сразу намокла на плечах. Он постучал костяшками пальцев по стеклу, и я опустила его на несколько сантиметров.

– Позвони, когда доедешь. Мне важно знать, что ты в безопасности.

– Восемь месяцев тебя устраивало не знать, в какой реальности живёт жена.

– Не начинай опять.

– Спокойной ночи, Олег.

Я подняла стекло. Когда ворота открылись, посмотрела в зеркало заднего вида. Он остался на дорожке. За его спиной светились окна дома, украшенного к годовщине. В одной из комнат двигался женский силуэт.

Я не стала разбираться, кто это – Тамара Петровна или Кира.

Городская квартира находилась возле набережной. Мы купили её для ночёвок после поздних мероприятий, но почти не пользовались. Внутри было чисто и безлично: серый диван, белые стены, кухня, на которой никто не готовил, пустые полки в ванной.

Я написала Соне: «Я в городской квартире. Всё хорошо. Позвоню утром. Люблю тебя».

Она ответила почти сразу: «Вы разводитесь?»

Я долго смотрела на вопрос, затем набрала: «Мы с папой будем жить отдельно. Остальное объясню лично».

Три точки появлялись и исчезали несколько раз. Наконец пришло: «Понятно».

Я знала, что ей ничего не понятно.

На кухне не оказалось воды. Я открыла приложение доставки и попыталась оплатить заказ семейной картой.

«Операция отклонена банком».

Повторила оплату – снова отказ. В банковском приложении карта исчезла из списка доступных. Остался только личный счёт с суммой, на которую раньше я почти не обращала внимания.

Я поставила телефон на стол и включила ноутбук. Пароль подошёл, система загрузилась, но рабочая почта потребовала повторную авторизацию. Пароль оказался неверным. Корпоративное облако и мессенджер сообщили, что учётная запись деактивирована администратором.

Я сидела одна на белой кухне и смотрела, как одна за другой захлопываются двери, которые ещё утром считала своими.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Олега:

«Я временно ограничил доступ к общим средствам и рабочей системе, чтобы ты не приняла необдуманных решений. Когда успокоишься, обсудим, на каких условиях ты сможешь вернуться».

Не домой.

Не ко мне.

Вернуться на условиях.

Впервые за шестнадцать лет Олег показал, что происходило каждый раз, когда я не соглашалась с ним до конца.

Он не боялся, что я уйду.

Он был уверен, что без его разрешения мне некуда идти.

Глава 4. Чужая версия

Я позвонила Олегу сразу после сообщения.

Он ответил почти мгновенно. На заднем плане звучали приглушённые голоса и звон посуды – сотрудники кейтеринга, вероятно, ещё убирали последствия нашей годовщины.

– Ты доехала? – спросил он. Голос был усталым, но спокойным, слишком спокойным для человека, чья жена несколько часов назад объявила о разводе перед всей семьёй.

– Ты заблокировал мою карту.

Олег помолчал, потом тихо выдохнул, как делал всегда, когда считал, что я начинаю разговор не с того.

– Я временно ограничил доступ к общему счёту. Это не одно и то же.

– Для меня сейчас одно и то же. Я попыталась купить воду и узнала, что муж решил оставить меня без денег, потому что я отказалась жить под одной крышей с его беременной любовницей.

– Не кричи. Здесь люди.

– А у меня здесь никого! – Голос ударился о пустые стены и вернулся эхом. – Поэтому я могу говорить как хочу. Или ты уже и в этой квартире собираешься устанавливать правила?

– Я пытаюсь не допустить, чтобы ты на эмоциях вывела деньги или натворила что-нибудь с рабочими документами.

Я медленно поднялась со стула. Перед глазами на мгновение потемнело.

– Вывела деньги? Ты всерьёз думаешь, что я украду у собственной семьи?

– Я не сказал «украдёшь».

– Ты заблокировал счёт.

– Потому что сейчас ты не контролируешь себя.

Последние слова прозвучали буднично, почти без раздражения. Именно поэтому ударили сильнее.

Я замерла посреди кухни. В руке задрожал телефон.

– Повтори.

Олег молчал.

– Скажи ещё раз, что жена, которая застала тебя на коленях перед беременной помощницей, реагирует неправильно.

– Я сказал не это.

– Ты всегда говоришь не это! Ты не собирался изменять, не собирался делать ей ребёнка, не собирался врать восемь месяцев. Оно всё само произошло, а теперь я должна доказать, что достаточно спокойна, чтобы ты разрешил купить еду?

Я задела локтем пустой стакан. Он упал на плитку и раскололся. Звук оказался оглушительным. Несколько секунд я смотрела на осколки, тяжело дыша.

– Вот поэтому я и ограничил доступ, – произнёс Олег холоднее. – Ты не контролируешь себя.

Он дождался крика и разбитого стакана. Теперь у него появилось доказательство собственной правоты.

– Верни карту и доступ к рабочей почте.

– Утром всё обсудим.

– Нет. Сейчас.

– Я не буду принимать финансовые решения, пока ты в таком состоянии.

Я засмеялась. Смех получился резким и сразу перешёл во всхлип.

– Ты принял финансовое решение, когда заблокировал мне деньги. И сделал это меньше чем через час после моего отъезда. Ты даже не подождал до утра.

– Потому что понимал, что ты начнёшь мстить.

– Я объявила о разводе, а не о войне.

– Публично унизив меня перед родственниками.

– Ты унизил меня, когда восемь месяцев спал с Кирой. Я только перестала это скрывать.

Олег тяжело вздохнул. За его спиной кто-то что-то спросил, он прикрыл микрофон ладонью. Потом снова заговорил, уже тише:

– Ложись спать. Утром переведу деньги на личную карту. По остальному поговорим позже.

– Это и мои деньги.

– Не начинай спор о собственности ночью.

– Все дальнейшие предложения присылай письменно.

– Не разговаривай со мной как с чужим человеком.

– Чужие люди хотя бы не блокируют друг другу карты после шестнадцати лет брака.

Я отключила звонок. Несколько секунд стояла, сжимая телефон обеими руками, затем медленно опустилась на пол. Осколки лежали рядом, один впился в край домашней туфли. Я подтянула колени к груди и наконец заплакала по-настоящему – громко, с судорожными вдохами, от которых болела грудь.

Плакала не только из-за Киры. Из-за дома, в котором больше не могла уснуть. Из-за синего платья, зелёного бокала, собственного имени, исчезнувшего из рабочей системы за несколько минут. Из-за того, что Олег уже не просил меня вернуться – он назначал условия.

Не знаю, сколько просидела на полу. Когда слёзы закончились, лицо болело, губы распухли. Я собрала стекло бумажным полотенцем, порезала палец и не сразу заметила кровь. Потом сделала снимки всех сообщений, отправила их на личную почту и в старое облачное хранилище, пароль от которого Олег не знал.

Под утро я заснула на диване и проснулась от настойчивого звонка в дверь.

Сначала показалось, что это муж. Сердце ударило так сильно, что заболело под рёбрами. Я резко села, увидела белые стены и вспомнила всё.

– Мама, открой! Я знаю, что ты там!

За дверью стояла Соня. Рядом с ней – школьный рюкзак, спортивная сумка и небольшой чемодан. Лицо было бледным и злым, под глазами темнели следы размазанной туши.

– Почему ты не отвечала? Я звонила три раза. Папа звонил. Водитель пятнадцать минут ждёт внизу.

– Я уснула только утром. Телефон был без звука. Кто тебя привёз?

– Папин водитель. Я сказала, что обратно не поеду.

Она вошла, задела чемоданом порог и раздражённо дёрнула ручку. Прошла в гостиную, медленно оглядела серый диван, пустые полки и закрытую дверь спальни.

– И это теперь наш дом? Здесь даже комнаты для меня нет.

– Спальня будет твоей. Я останусь на диване.

– Великолепно. Ты на диване, я в чужой комнате, а папа с Кирой – в нашем доме.

Соня говорила с вызовом, но за злостью прятался страх. Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

– Кира не должна там оставаться.

– Но она осталась. Когда я забирала вещи, она сидела на кухне, а бабушка варила ей кашу. Мою чашку дала – с жёлтыми цветами. Ты помнишь, я сама её выбирала?

Я помнила. Мы купили чашку в Праге, когда Соня выпила слишком много горячего шоколада и всю ночь жаловалась на живот.

– Я поговорю с отцом.

– О чём? О том, что любовнице нельзя пить из моей чашки? Это теперь самая большая проблема?

– Не кричи на меня.

Слова вырвались резче, чем я хотела. Соня отшатнулась, словно я её толкнула, но тут же шагнула ближе.

– А на кого мне кричать? На папу? Он сидит и говорит, что всё исправит. На бабушку? Она повторяет, что тебе нужно прийти в себя. На Киру? Она беременная, на неё теперь нельзя даже смотреть неправильно. Ты единственная просто взяла и уехала!

– Я уехала, потому что не могла там оставаться.

– А я могла?

Вопрос ударил сильнее крика.

Соня тяжело дышала, руки были сжаты в кулаки. Я сделала шаг, но она отступила.

– Не трогай меня.

– Хорошо.

– И не говори этим спокойным голосом. Вы оба разговариваете так, будто я тупая. Папа сказал, что у него был роман с Кирой и она беременна. Потом объяснил, что ты сорвалась перед гостями, объявила о разводе и уехала, не дав ему ничего исправить. Бабушка рассказывала, что взрослые женщины умеют прощать. А ты говоришь про какие-то договорённости. Почему никто не может просто сказать, что случилось?

Мне захотелось рассказать всё. Про гостевую комнату, мой халат, Олега на коленях, его первую просьбу не разбудить дочь. Тогда Соня поняла бы, почему я ушла. Возможно, сказала бы: «Мама, ты права». Я страшно нуждалась хотя бы в одном человеке, который встанет рядом без оговорок.

Но дочери было четырнадцать. Она не должна была носить в памяти образ отца у живота любовницы.

– Папа нарушил наши договорённости как супругов и долго мне лгал. После этого я не могу сейчас жить с ним под одной крышей. Подробности – не твой груз.

– Очень удобно. Папа говорит, что не может рассказать всё, потому что я ребёнок. Ты говоришь то же самое. Зато жить с последствиями я достаточно взрослая.

Соня отвернулась к окну и провела ладонью под глазами, сердито стирая слёзы. Я подошла, хотела обнять, но она снова подняла руку.

– Почему мы должны переезжать? Это папа виноват. А наказали нас.

В её голосе не было обвинения в измене. Она обвиняла меня в том, что именно я сделала разрушение видимым. Пока Олег лгал, у неё оставались дом, школа, привычный завтрак и оба родителя за одним столом. Моя честность отняла эту картинку за один вечер.

– Ты права. Это несправедливо.

Соня резко повернулась. Наверное, ожидала оправданий и растерялась, не услышав их.

– И что? Мы теперь будем несправедливо жить здесь, потому что ты решила быть принципиальной?

Я заставила себя не отвечать сразу. Внутри поднялась обида: на Олега, на его мать, на дочь, которая принесла злость именно мне. Но рядом со мной ей было безопаснее сердиться.

– Ты можешь жить в доме, если захочешь. Я не заставлю выбирать между нами. Можешь оставаться у папы в будни, приезжать ко мне или жить здесь. Мы купим стол, лампу, привезём вещи. Я не оставляю тебя, я даю тебе право решить, где сейчас спокойнее.

Лицо дочери изменилось. Упрямство исчезло, уступив растерянности.

– То есть ты готова оставить меня там с ним и Кирой?

– Я не оставляю. Но и не могу использовать тебя, чтобы наказать отца.

– А если мне нигде не спокойно?

Вопрос прозвучал почти шёпотом.

Я всё-таки обняла её. Соня оставалась неподвижной несколько секунд, затем прижалась лбом к моему плечу. Она не рыдала, только дышала коротко и неровно.

– Я не знаю, как сделать так, чтобы тебе совсем не было больно, – сказала я. – Но обещаю, что не стану просить ненавидеть папу и выбирать мою сторону.

– А он будет просить выбрать свою?

Я закрыла глаза.

– Надеюсь, что нет.

– Это не ответ.

– Потому что я не могу отвечать за него.

Соня отстранилась. Лицо покраснело, тушь размазалась под ресницами.

– Я ненавижу вас обоих.

– Имеешь право.

– Тебя чуть меньше.

Уголки её губ дрогнули, но улыбка не появилась.

Мы перенесли вещи в спальню. Соня открыла чемодан и стала раскладывать одежду на кровати, ничего не убирая в шкаф, будто боялась признать, что останется дольше одной ночи.

Телефон в гостиной зазвонил. На экране высветилось имя Олега. Соня увидела его и напряглась.

– Возьми. Он звонил мне всю дорогу.

Я включила громкую связь не ради показательного разговора, а потому что не хотела потом пересказывать его версию.

– Соня у тебя? – спросил Олег без приветствия. Голос был жёстким, хотя он явно старался говорить ровно.

– У меня.

– Почему водитель ждёт внизу?

Дочь подошла ближе и скрестила руки на груди.

– Потому что я сказала ждать, пока мама откроет. Теперь может ехать.

Пауза. Когда Олег заговорил снова, голос стал мягче.

– Сонь, тебе нужно вернуться домой. У тебя школа, вещи, привычный режим. Маме требуется время, чтобы отдохнуть и прийти в себя.

– Она не больная.

– Я этого не говорил.

– Говорил. Не этими словами, но говорил.

Олег шумно выдохнул.

– Мы с мамой переживаем сложный период. Взрослым иногда нужно пространство, чтобы всё обдумать. Это не значит, что ты должна менять свою жизнь.

– Кира уехала?

Он ответил не сразу.

– Пока нет. Ей нехорошо. Сегодня Максим заберёт её или я найду другой вариант.

Соня сжала губы.

– Значит, Кира может оставаться в моём доме, потому что ей нехорошо, а мама должна приходить в себя в квартире.

– Никто маму не выгонял.

Дочь посмотрела на меня. Я ничего не сказала, но ответ она увидела сама.

– Я останусь здесь. Мне тоже нужно пространство.

– Не говори моими словами. Собери вещи и спускайся, водитель отвезёт тебя обратно.

– Я уже собрала. И никуда не поеду.

Она завершила звонок раньше, чем отец успел ответить. Руки дрожали, но подбородок был поднят.

– Он приедет?

– Возможно.

– Не пускай его.

– Квартира общая, у него есть ключ.

Соня посмотрела на дверь.

– Отлично. Даже здесь мы не можем закрыться.

Я подошла и повернула внутреннюю защёлку.

– Сейчас можем.

Олег не приехал. Через десять минут прислал сообщение: «Не втягивай Соню в конфликт. Верни её домой. Школа и психолог рекомендуют сохранять привычную среду».

Я не знала, с каким психологом он успел поговорить за утро. Возможно, ни с каким. Олег любил ссылаться на специалистов, если их предполагаемое мнение совпадало с его решением.

Сделала снимок экрана и сохранила рядом с ночной перепиской.

За ночь пришло больше тридцати сообщений. Кто-то осторожно выражал поддержку, кто-то советовал не принимать поспешных решений. Письмо Ларисы было длиннее остальных:

«Верочка, я на твоей стороне и брату всё сказала. Но он говорит, что ты несколько месяцев была на пределе из-за открытия, почти не спала и вчера просто не выдержала. Я не оправдываю его. Только не руби с плеча. Олег уверен, что после отдыха ты сможешь спокойно обсудить ситуацию».

Несколько месяцев была на пределе.

Следующее сообщение пришло от жены партнёра: «Очень переживаем за тебя. Олег попросил пока не звонить, сказал, что тебе нужно восстановиться после нервного срыва».

Не после предательства.

После нервного срыва.

Телефон зазвонил. Управляющая нового отеля говорила торопливо, на заднем плане слышался служебный коридор.

– Вера Андреевна, простите, я не знаю, можно ли вам звонить. Олег Сергеевич сообщил, что вы временно не участвуете в проектах. Сегодня приёмка текстиля, все согласования были с вами.

Я медленно села.

– Что именно он сказал?

– Что вы переутомились и берёте длительный отпуск. Все вопросы теперь направлять ему или коммерческому директору. Нам запретили пересылать документы на вашу личную почту.

– Когда отключили мою учётную запись?

– Вчера в двадцать три сорок семь.

Олег сделал это ещё до того, как я доехала до квартиры.

– Текстиль принимайте только по спецификации. Если есть несоответствия, составьте акт и отправьте Олегу. Не берите на себя чужую ответственность.

– Вы вернётесь? Люди волнуются. Нам сказали, что у вас проблемы со здоровьем.

– Со здоровьем всё в порядке. Остальное пока не буду обсуждать.

После разговора я открыла сайт компании. Ещё два дня назад на странице нового отеля стояла наша общая фотография с подписью: «Концепция и запуск – Вера и Олег Ланские». Теперь фотография исчезла. В разделе о команде моего имени не было. В новости благодарили Олега, архитектурное бюро и внутреннюю службу дизайна. Интерьеры, которые я рисовала ночами, превратились во «внутреннюю работу компании».

– Что он сделал? – спросила Соня.

Я не заметила, как она подошла.

– Убрал моё имя с сайта.

Дочь посмотрела на экран. Брови медленно сошлись.

– Но этот отель делала ты. Все знают.

– Знать и быть готовым подтвердить – разные вещи.

– Он козёл.

– Не говори так об отце.

– Почему? Потому что это семейная тайна?

Я закрыла ноутбук.

– Потому что он всё равно твой отец. Ты можешь злиться на конкретные поступки, но я не хочу, чтобы ты училась ненавидеть человека целиком.

– А ты его ненавидишь?

Я долго смотрела на погасший экран.

– Пока не понимаю, что чувствую.

Это было почти правдой. Ненависть приходила волнами, но под ней оставались любовь, привычка, тоска и страшное желание проснуться вчера утром.

В полдень позвонили со склада, где хранились образцы тканей, папки с эскизами и мебель для незавершённых объектов. Автоматический платёж за аренду не прошёл. Если задолженность не закрыть за три дня, доступ к ячейкам приостановят.

Я оплатила месяц с личного счёта. После этого впервые открыла калькулятор и посчитала, на сколько недель хватит денег, если Олег перестанет оплачивать квартиру, машину и школу.

Потом набрала в поиске: «адвокат по семейным спорам раздел бизнеса».

На экране появились обещания «лишить супруга всего», «найти скрытые активы», «забрать детей» и «уничтожить противника в суде». От формулировок затошнило. Я не хотела уничтожать Олега и превращать шестнадцать лет в войну, после которой Соня будет выбирать, к кому прийти на Новый год.

Я хотела понять, что принадлежит мне.

Контакт Натальи Берестовой прислала бывшая клиентка. В сообщении было написано: «Не самая ласковая, зато не обещает невозможного».

Я позвонила.

– Вы сейчас в безопасности? – спросила Наталья после краткого рассказа. Голос был низким, спокойным и совершенно лишённым сочувственных интонаций.

– Да. Дочь со мной.

– Счета заблокированы полностью?

– Общий счёт и дополнительная карта. Личная работает. Рабочие доступы отключены.

– Переписка сохранилась?

– Да.

– Документы на недвижимость и брак у вас?

– Часть.

– Приезжайте сегодня к четырём. До встречи ничего не подписывайте, не соглашайтесь на фиксированное содержание и не удаляйте сообщения. Даже те, за которые вам стыдно.

Последняя фраза заставила посмотреть на маленький пластырь на пальце и осколок стакана, который я случайно не заметила под столом.

– Я кричала на него. И разбила посуду.

– Вы угрожали причинить кому-то вред?

– Нет.

– Тогда разбитый стакан не передаст ему вашу долю в имуществе. Приезжайте.

Она отключилась.

Перед выходом я долго стояла у двери спальни, не решаясь оставить Соню одну. Дочь сама вышла ко мне, уже переодетая в домашнюю футболку.

– Я никуда не уйду и папе не открою. Мне четырнадцать, а не четыре.

– Позвони, если он приедет.

– Позвоню.

Я надела пальто. Соня подошла и вытащила из-под воротника прядь волос. Пальцы задержались на ткани.

– Ты не собираешься забрать у папы всё?

Я поняла, что этот страх ей тоже вложили.

– Я собираюсь выяснить, что принадлежит мне. Не больше и не меньше.

– А если окажется, что всё принадлежит ему?

– Тогда начну заново. Но сначала узнаю, почему должна начинать с нуля, если половину жизни работала рядом с ним.

Офис Натальи находился в старом здании возле суда. Никакого стекла, кожи и панорамного вида: узкий коридор, высокие потолки, тёмные деревянные двери. В приёмной пахло бумагой и крепким кофе.

Наталье было около сорока пяти. Короткие тёмные волосы, серый костюм, тонкие очки. Она не обняла меня и не сказала, что всё обязательно будет хорошо. Только указала на кресло и открыла блокнот.

– Рассказывайте по порядку. Сначала имущество, потом бизнес, потом ребёнок. Измена имеет для вас эмоциональное значение, но в имущественных вопросах сама по себе почти ничего не решает.

Я рассказывала почти час: когда купили дом, на кого оформлен участок, когда Олег зарегистрировал первую компанию, какие отели открывали в браке, как я участвовала в проектах, какие счета существовали и что было заблокировано.

Наталья задавала короткие вопросы и делала пометки.

– Брачный договор?

– Нет.

– Доля в компании на вас оформлена?

– Нет. Олег говорил, что банкам проще, когда собственник один.

– Официальная должность?

Я перечислила: администратор, консультант, специалист по оформлению. Каждая звучала меньше того, что я делала.

– Зарплата?

Когда назвала сумму, Наталья приподняла брови.

– Управляющие отдельных отелей получают больше.

– Деньги были общими. Мне не имело смысла назначать большую зарплату самой себе.

– Вы не назначали её себе. Вам назначал собственник компании.

Фраза была сказана без упрёка, но к щекам прилила кровь.

– Мы были семьёй.

– Были и пока остаетесь супругами. Однако семья не заменяет документы. Что именно вы делали для сети?

Я начала перечислять: концепции номеров и ресторанов, подбор материалов, найм и обучение персонала, маршруты гостя, жалобы, подготовка открытий, переговоры с дизайнерами и поставщиками, создание стандартов. Чем дольше говорила, тем страннее звучала собственная жизнь. Работа занимала годы, но я никогда не описывала её полностью. Не требовалось. Олег знал, сотрудники знали, партнёры знали.

Наталья слушала, постукивая ручкой по блокноту.

– Чем подтверждается авторство концепций?

– Перепиской. Черновиками. Моими презентациями.

– Они у вас?

– Часть на ноутбуке, большая часть в корпоративном облаке. Доступ закрыт. Бумажные альбомы дома и на складе.

– В договорах с подрядчиками вы указаны?

– Иногда.

– В пресс-релизах?

– Раньше да. Сегодня имя удалили.

– Кто может подтвердить, что решения принимали вы?

– Все сотрудники. Управляющие, дизайнеры, поставщики, партнёры Олега.

Наталья подняла глаза поверх очков. Лицо оставалось спокойным, но в выражении появилась жёсткость.

– Люди подтверждают ровно до тех пор, пока это не угрожает их работе и контрактам с владельцем компании. Пока не будем рассчитывать на «все знают». Будем искать письма, файлы, договоры, платежи и подписи.

Она протянула руку к моей папке.

– Покажите всё, что принесли.

Я разложила свидетельство о браке, выписку по квартире, несколько старых договоров и соглашение на консультационные услуги. Наталья читала внимательно, подчёркивая строки карандашом.

– Здесь вы консультант по оформлению общественных зон. Срок четыре месяца. Здесь вообще нет описания результата, только обязанность оказывать содействие по запросу заказчика.

– Потому что техническое задание писала я сама для остальных.

– Но в вашем договоре этого нет.

– Олег никогда не отрицал, что проекты мои.

– До вчерашнего дня. Сегодня он уже называет их проектами компании.

Я замолчала.

Наталья сняла очки и наклонилась ко мне.

– Вера Андреевна, я верю, что вы шестнадцать лет работали. Верю, что без вас сеть выглядела бы иначе. Но моя вера не вернёт доступ и не подтвердит авторство. Нам нужно превратить вашу память в доказательства.

Она подвинула ко мне чистый лист.

– Поэтому начнём с простого. Вы говорите, что придумали всё, за что любят эти отели. Где именно стоит ваша подпись?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.